

Владимир Кожедеев

*Крест и
венец. Книга 3*

Владимир Кожедеев
Крест и венец. Книга 3
Серия «Дело императорского
двойника. Исторические детективы.
Классические детектив», книга 4

*<https://litres.ru/73800809>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Петербург, 1881 год. Империя на грани катастрофы. После убийства императора Александра II народовольцами страна замерла в ожидании новых потрясений. На трон возшел Александр III — человек твердый, решительный, не терпящий компромиссов.

Но однажды ночью в Зимнем дворце находят динамит. Записка, оставленная на месте, гласит: *«Первая ласточка. Следующий — главный»*. Тот же почерк, тот же морской узел, та же игра, что и прежде.

Воронов берется за расследование и вскоре понимает: за убийствами стоит не один маньяк. Это хорошо организованный заговор, в который вовлечены высокопоставленные чиновники, офицеры охраны и даже сотрудники Третьего отделения. А за их

спинами — британская разведка, которая десятилетиями ведет «Большую игру» против Российской империи.

Цель заговорщиков — не просто убить императора. Они хотят подменить его двойником, захватить власть и править от имени марионетки. Главарь заговора — граф Игнатьев, бывший посол в Турции, герой войны, приближенный ко двору.

Содержание

Пролог	5
Глава 1.	9
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Владимир Кожедеев

Крест и венец. Книга 3

Пролог

Пролог. Тишина перед бурей

Сентябрь 1881 года. Петербург.

Лето прошло. Петербург, измученный жарой и духотой, с облегчением вздохнул холодным дыханием осени. Нева еще не замерзла, но по утрам на воде уже появлялась тонкая ледяная корка, и ветер с Финского залива задувал в воротники, напоминая о том, что зима не за горами.

Воронов сидел в своем кабинете на Гороховой, пил чай и смотрел на улицу. За окном шуршали первые желтые листья, дворник сгребал их в кучи, где-то вдалеке слышался звон колоколов — отпевали кого-то из знатных. Жизнь шла своим чередом. Медленно, тяжело, неумолимо.

Прошло полгода со событий, описанных во второй книге. Крестовского казнили в апреле. Штакельберг получил двадцать лет каторги. Аркадьев — десять. Их сообщники — от пяти лет до пожизненной ссылки. Британская разведка, наученная горьким опытом, временно свернула активность в Петербурге — но Воронов знал, что это ненадолго. «Большая игра» продолжалась. Она никогда не кончалась.

Лиза ждала ребенка. Живот уже округлился, она стала медлительной, задумчивой, часто сидела у окна с альбомом и рисовала — не заказные портреты, а что-то свое, детское, светлое. Амалия Карловна суежилась вокруг, поила её молоком, кормила пирожками, запрещала работать «в таком положении». Ветлицкий заходил по вечерам, приносил какие-то микстуры — «для укрепления здоровья будущей матери». Масленников, который за эти полгода стал почти членом семьи, по субботам играл с Лизой в шахматы и неизменно проигрывал.

Воронов смотрел на всё это и чувствовал, как в груди разливается тепло — то самое, которое он так долго искал и наконец нашел. Дом. Семья. Покой.

Но он знал — покой обманчив. В Петербурге всегда кто-то что-то замышлял. И рано или поздно его снова позовут. И он пойдет. Потому что это его работа. Его долг. Его жизнь.

— Иван, — Лиза вошла в кабинет, держась за поясицу.
— Ты опять не спишь?

— Сплю, — он улыбнулся. — Просто думаю.

— О чем?

— О том, как хорошо, что ты есть. И что скоро нас станет больше.

Она подошла, села к нему на колени — тяжелая, теплая, родная. Он обнял её, прижался щекой к её животу.

— Ты слышишь? — спросила она.

— Нет еще, — он покачал головой. — Но я знаю — он

там. Наш сын.

— Или дочь, — поправила Лиза.

— Или дочь, — согласился он. — Главное — здоровый.

Она поцеловала его в макушку, и они сидели так, в тишине, слушая, как за окном шуршат листья, как тикают часы в мастерской, как Амалия Карловна гремит кастрюлями на кухне.

— Иван, — сказала Лиза. — Ты боишься?

— Чего? — спросил он.

— Что придется снова уйти. Что оставишь нас одних.

— Боюсь, — признался он. — Но я всегда возвращаюсь. Ты знаешь.

— Знаю, — она вздохнула. — Поэтому я не боюсь. Я просто... буду ждать.

— Я знаю, — он поцеловал её. — Ты всегда ждешь.

В дверь позвонили. Три коротких, один длинный — Масленников.

Воронов вздохнул, помог Лизе встать, пошел открывать.

— Иван Петрович! — Масленников влетел в прихожую, красный, запыхавшийся. — Беда! В Зимнем дворце опять...

— Что? — Воронов нахмурился.

— Письмо! Анонимное! Угрожают взорвать дворец через три дня! И подпись — «Народная расправа»!

Воронов взял письмо, пробежал глазами. Та же бумага, что и в прошлый раз? Нет, другая. Дешевая, простой. Подчерк — каракули, не каллиграфия. Не Крестовский. Не Го-

рев. Кто-то новый.

— Масленников, — сказал он. — Срочно в управу. Начинаем проверку. Все входы, все выходы, всех служащих. И Ветлицкому передайте — пусть проверит бумагу на состав.

— Слушаюсь! — Масленников выбежал.

Воронов закрыл дверь, прислонился к ней спиной.

— Иван? — Лиза стояла в дверях кабинета, встревоженная. — Что случилось?

— Новое дело, — сказал он. — Опять угрожают.

— Ты должен идти?

— Должен, — он подошел, обнял её. — Но я вернусь. Обещаю.

— Знаю, — она улыбнулась. — Ты всегда возвращаешься.

Он надел шинель, проверил «вальтер» в кармане, поцеловал Лизу и вышел.

За окном падали желтые листья, и Петербург — огромный, холодный, опасный — ждал новых потрясений.

Глава 1.

Воронов шел по Гороховой быстрым шагом, не замечая осенней прохлады. В голове роились мысли — о письме, об угрозах, о том, кто мог стоять за ними. «Народная расправа» — новое название. Не слышал такого раньше. Может быть, вывеска для отвода глаз. Может быть, действительно новая организация.

Он свернул на Малую Морскую, подошел к зданию сыскной части. Здесь всё было по-прежнему — облупившаяся краска на дверях, запах махорки и щей, вечно сонный дежурный городской. Но Воронову казалось, что он вернулся в прошлое — в то время, когда он был еще холост, когда его ждала пустая квартира на Гороховой, когда единственным другом был револьвер под подушкой.

Он поднялся по лестнице, прошел в кабинет. Масленников уже сидел за столом, листая какие-то бумаги. Ветлицкий стоял у окна, курил — что с ним случалось редко.

— Иван Петрович, — сказал Масленников, поднимаясь. — Я уже распорядился. Городовые проверяют всех, кто входит во дворец. Документы, пропуска, личные вещи.

— Хорошо, — Воронов сел за свой стол, взял письмо, снова прочитал. — А что с бумагой, Ветлицкий?

— Дешевая, — ответил тот, не оборачиваясь. — Продается в любом писчебумажном магазине. Чернила — тоже про-

стые, недорогие. Никаких зацепок.

— Значит, убийца — не профессионал, — заметил Воронов. — Профессионал не стал бы использовать дешевую бумагу. Он хотел бы оставить след. Или запутать.

— Или он беден, — сказал Масленников.

— Или он беден, — согласился Воронов. — Но бедные не угрожают Зимнему дворцу. У них нет доступа.

— А если он из служащих? — спросил Ветлицкий.

— Возможно, — Воронов задумался. — Проверьте всех, кто работает во дворце. Прислугу, охрану, поваров, дворников. Особенно тех, у кого есть доступ в подвалы и чердаки.

— Это сотни людей, — сказал Масленников.

— Значит, будем проверять сотни, — Воронов встал. — У нас есть три дня.

Он подошел к окну, посмотрел на улицу. Воспоминания нахлынули — неожиданно, ярко. Он вспомнил свое первое дело, когда он был еще младшим помощником пристава. Тогда он тоже бегал по городу, проверял, искал, допрашивал. И нашел. Нашел убийцу — мелкого воришку, который зарезал старуху ради горсти серебра.

Потом были другие дела. Банда «Червонных валетов», Волжский душитель, поджог Екатерингофской мануфактуры. Каждое — со своей болью, со своей кровью, со своей правдой. И в каждом — его револьвер, который никогда не подводил.

— Иван Петрович, — голос Масленникова вернул его в

реальность. — Вы помните дело о «Золотых конях»?

— Помню, — Воронов усмехнулся. — 1875 год. Кража из Эрмитажа. Тогда я впервые обогнал Строганова.

— А дело о «Волжском душителе»?

— 1870 год. Я нашел его по узлу, — Воронов покачал головой. — Рыбацкий узел. Такие только матросы вяжут.

— А дело о поджоге мануфактуры?

— 1873 год, — Воронов посмотрел на Ветлицкого. — Ты помог. Твой анализ пепла.

— Помню, — Ветлицкий кивнул. — Тот конторщик, который поджег фабрику ради страховки. Он думал, что никто не узнает. Но пепел — он не врет.

— Ничто не врет, — сказал Воронов. — Если уметь смотреть.

Он помолчал, потом добавил:

— И сейчас — не соврет. Найдем. Обязательно найдем.

Воспоминания снова нахлынули о первом удачном деле. Он закрыл глаза и начал вспоминать.

Воронову было двадцать три года. Он служил младшим помощником пристава в Казанской части — самом беспокойном районе Петербурга, где перемежались доходные дома с ночлежками, дорогие рестораны с трактирами, а по ночам было опасно выходить даже с револьвером.

Он жил тогда в маленькой комнатухе при участке — койка, стол, стул, умывальник. Жалованье было мизерным, но он не жаловался. Он учился. Учился смотреть, слушать,

запоминать. Учился отличать правду от лжи, а искренность от притворства.

В ту ночь он уже лег спать, когда в дверь постучали. Три коротких, один длинный — условный стук дежурного городского.

— Ваше благородие! — голос был взволнованным. — Убийство! На Сенной! Старуху зарезали!

Воронов вскочил, натянул сапоги, накинул сюртук. Револьвер у него тогда еще не было — только казенный револьвер, тяжелый, неудобный, который он ненавидел. Но оружие есть оружие.

— Кто убил? — спросил он, выходя в коридор.

— Не знаем, ваше благородие. Дворник нашел. В подвале. Вся в крови.

— Идем, — сказал Воронов, застегивая кобуру.

Сенная площадь в ту ночь была пустынной. Фонари горели через один, бросая желтые пятна на мокрый булыжник. Ночные извозчики дремали на козлах, редкие прохожие жались к стенам домов. В воздухе пахло дешевым табаком, мочой и страхом.

Дом, где случилось убийство, стоял в глубине двора — старый, трехэтажный, с облупившейся штукатуркой и выбитыми стеклами в подвальных окнах. Такие дома называли «доходными» только из вежливости — здесь жили воров, проститутки, босяки, нищие. Те, кого не пускали в парад-

ные.

Дворник — пожилой мужик с седой бородой и красным носом — стоял у подъезда, крестился и бормотал что-то невнятное. Увидев Воронова, он бросился к нему:

— Ваше благородие! Там! В подвале! Я утром пошел дрова рубить, а она... она...

— Веди, — сказал Воронов.

Дворник провел его в подвал. Лестница была крутой, скользкой, пахло сыростью и мышами. Внизу горела одна керосиновая лампа, отбрасывая длинные тени на каменные стены.

Тело лежало у стены, на куче тряпья. Старуха — лет семидесяти, в рваном платье, с седыми растрепанными волосами. Горло перерезано — от уха до уха, так, что голова держалась на одном позвонке. Крови было много — лужа уже застыла, почернела.

Воронов наклонился, осмотрел рану. Нож — острый, узкий, возможно, кухонный. Удар нанесен сзади — старуха не видела убийцу. Левая рука сжата в кулак — в ней что-то зажато. Воронов осторожно разжал пальцы. Горсть серебра — пятаки, гривенники, двугривенные. Медных не было — только серебро.

— Грабеж? — спросил подошедший городской.

— Похоже, — Воронов выпрямился. — Но странно. Грабители обычно забирают всё. А здесь — только серебро. Медь осталась.

— Может, торопился?

— Может, — Воронов покачал головой. — Но я так не думаю.

Он осмотрел комнату. Подвал был маленьким — метров десять, не больше. Стол, стул, койка, сундук. На столе — кружка, миска, краюха хлеба. В сундуке — тряпье, больше ничего. Ни документов, ни денег, ни ценностей.

— Кто она? — спросил Воронов у дворника.

— Не знаю, ваше благородие, — дворник развел руками. — Жила здесь третий год. Платила исправно. Тихая была, ни с кем не общалась. Звали, кажись, Марфа Ивановна. А кто — не знаю.

— Соседи?

— Соседей нет, — дворник покачал головой. — В подвале она одна жила. Остальные комнаты пустуют — сыро, холодно, никто не хочет.

— А кто бывает в доме? Жилыцы?

— Всякие, ваше благородие. Рабочие, мещане, мастера-вые. Есть и подозрительные — но я не лезу. Мое дело — двор мести.

Воронов вздохнул. Дело было темным — ни свидетелей, ни улики, ни мотивов. Только старуха с перерезанным горлом и горсть серебра в руке.

— Увезите тело в морг, — сказал он городовым. — Завтра утром начнем опрос.

Он вышел на улицу, закурил. Ночь была холодной, ветре-

ной. Где-то вдали лаяла собака, и этот лай казался Воронову предвестником чего-то нехорошего.

Он не знал тогда, что это дело станет для него первым настоящим испытанием. И что именно оно сделает его сыщиком.

Он обошел всех жильцов дома — их было около тридцати человек. Рабочие с соседних фабрик, мелкие торговцы, прислуга, несколько подозрительных личностей, которые не могли объяснить, чем занимаются. Никто ничего не видел, никто ничего не слышал. Старуха жила тихо, никому не мешала. К ней никто не приходил. Она никуда не ходила.

— Может, она кого-то боялась? — спросил Воронов у торговки, которая жила этажом выше.

— Боялась, — кивнула торговка. — Я с ней разговаривала один раз. Она сказала: «За мной придут. Я знаю. Но я готова».

— Кто должен прийти?

— Не сказала, — торговка вздохнула. — Только перекрестилась и заплакала.

Воронов записал. Старуха знала, что ее убьют. Знала и не ушла, не спряталась. Значит, у нее была причина остаться.

Он вернулся в участок, сел за стол. Перед ним лежали бумаги — пустые, чистые, неисписанные. Он не знал, что писать. Не знал, с чего начать.

— Воронов! — окликнул его пристав. — Ну что? Нашел убийцу?

— Нет еще, ваше благородие, — ответил Воронов.

— А чего же ты тогда сидишь? Иди, ищи! У меня через три дня отчет в управу!

Воронов встал, взял фуражку, вышел.

Он пошел на Сенную — туда, где была старухина комната. Осмотрел еще раз — тщательно, медленно, как учил его старый следователь, у которого он стажировался.

«Место преступления врет меньше, чем свидетели», — говорил тот. — «Смотри, нюхай, слушай. Труп расскажет тебе всё. Если ты умеешь слышать».

Воронов смотрел, нюхал, слушал.

Пол был земляной, утоптаный. На нем — следы. Много следов — старухины, мелкие, частые. И один чужой — большой, глубокий, с отпечатком подковки на каблуке. Такие подковки ставили на сапоги рабочие — чтобы не скользили.

Значит, убийца — рабочий. Или тот, кто носит рабочую обувь.

Воронов достал лист бумаги, сделал набросок следа. Потом осмотрел стол. На столе — кружка, миска, краюха хлеба. Хлеб нарезан — неровно, торопливо. Не старуха резала — у нее руки дрожали бы, она резала бы аккуратно. Кто-то другой. Кто-то, кто был здесь после ее смерти.

Воронов поднес хлеб к носу. Пахло луком. И еще чем-то — дешевым табаком, махоркой. Значит, убийца курил. Или тот, кто был здесь после убийства, курил.

Он осмотрел сундук. Тряпье — старые юбки, платки, кофты. На дне — маленькая икона, Никола Угодник. И письмо.

Письмо было написано карандашом, на вырванном из тетради листке, неровным, дрожащим почерком.

«Марфа, прости меня. Я не хотел. Но так надо. Ты знаешь, за что. Ты знаешь, кто. Не ищи меня. Я сам приду. Прощай».

Без подписи. Без даты.

Воронов спрятал письмо в карман. Вышел на улицу, закурил.

— Кто ты? — спросил он у ветра. — И за что ты убил?

Ветер не ответил. Только гнал по Сенной пыль и мусор.

Воронов вернулся в участок, сел за стол. Достал письмо, перечитал. Почерк был неграмотным — с ошибками, с пропущенными буквами. Писал человек малограмотный. Рабочий. Или крестьянин.

«Ты знаешь, за что. Ты знаешь, кто». Значит, старуха знала убийцу. Знала, за что ее убьют. И знала, кто придет.

Воронов взял чистый лист, написал:

Убийца — рабочий (обувь, махорка, неграмотный почерк).

Старуха знала его (письмо, разговор с торговкой).

Мотив — не грабеж (серебро осталось в руке, медь не тронута).

Убийство — месть? Или исполнение чужой воли?

Он смотрел на эти пункты и чувствовал, что чего-то не

хватает. Какой-то детали, которая свяжет всё воедино.

Он вспомнил рассказ дворника: «Платила исправно». Откуда у старухи деньги? Она не работала, не торговала, не просила милостыню. Жила в подвале, ела хлеб с водой. Но платила исправно. Значит, у нее был источник дохода.

Воронов снова пошел на Сенную. Нашел дворника.

— Скажи, — спросил он. — Откуда у старухи деньги? Кто платил за квартиру?

— Не знаю, ваше благородие, — дворник развел руками.

— Она сама приносила. В начале месяца. Всегда аккуратно.

— А откуда у нее деньги?

— Говорила, сын помогает. Сын в Москве живет, работает.

— Сын? — Воронов насторожился. — Как зовут?

— Не знаю, ваше благородие. Она не говорила.

— А где он работает?

— Тоже не знаю.

Воронов записал. Сын. В Москве. Помогает матери.

— Адрес сына?

— Не знаю.

— А кто-нибудь знает?

— Никто, — дворник покачал головой. — Она ни с кем не общалась.

Воронов вздохнул. Нить обрывалась.

Он вернулся в участок, сел за стол. Достал папиросу, закурил. Дым плыл к потолку, растворялся в желтом свете ке-

росиновой лампы.

— Сын, — прошептал он. — Сын в Москве.

Он взял лист бумаги, начал писать запрос в Московское охранное отделение. Может быть, там знают что-то о старухином сыне.

Ответ пришел через неделю.

«В Московское охранное отделение. На Ваш запрос сообщаем: сын Марфы Ивановой, уроженки Петербурга, — Иван Иванов, 1845 г.р., рабочий Путиловского завода в Москве. Адрес: Замоскворечье, Пятницкая улица, дом 15. Привлекался к ответственности за мелкие кражи. В настоящее время находится под надзором полиции. Сведений о его местонахождении в последние дни не имеется».

Воронов перечитал дважды. Иван Иванов. Рабочий. Судим за кражи. Скрывается.

Он встал, подошел к карте, висевшей на стене. Москва — далеко. Ехать туда не было ни времени, ни денег. Но можно запросить задержание по телеграфу.

Он написал телеграмму: «Москва, охранное отделение. Задержите Ивана Иванова, 1845 г.р., подозревается в убийстве матери. Петербург, Воронов».

Телеграфист застучал ключом. Воронов стоял, смотрел на его руки, и чувствовал, как время тает.

Ответ пришел через два дня.

*«Иван Иванов задержан. Дает признательные показания. Прибудет в Петербург под конвоем. Московское охранное

отделение».*

Воронов выдохнул. Нить привела к цели.

Ивана Иванова доставили в Петербург через три дня. Это был молодой мужчина — лет двадцати, с бледным лицом и глазами, которые смотрели в пол. Он не сопротивлялся, не кричал, не плакал. Только молчал.

Воронов допрашивал его в маленькой комнате при участке — стол, два стула, окно с решеткой. Иванов сидел напротив, сжав руки в замок.

— Иван, — сказал Воронов. — Зачем ты убил мать?

— Она виновата, — тихо сказал Иванов. — Она продала меня.

— Как продала?

— В детстве. Отдала в работники к купцу. Я работал с утра до ночи, ел отбросы, спал на полу. А она брала деньги. И не приходила.

— Ты убежал?

— Убежал, — Иванов поднял глаза. — В Москву. Работал на заводе. Женился. Но она... она приходила. Просила денег. Грозилась сказать хозяину, что я вор. Я давал. Но она приходила снова. И снова. И снова.

— В тот день? — спросил Воронов.

— В тот день она пришла, — Иванов заплакал. — Сказала, если не дам сто рублей — напишет донос. У меня дети, жена. Меня посадят. Я просил, умолял. Она смеялась. Тогда я... я не помню. Я ударил ножом. Один раз. Потом еще. По-

том побежал.

— Ты взял деньги?

— Нет, — Иванов покачал головой. — Я не хотел её денег. Я хотел, чтобы она оставила меня в покое.

— Почему ты оставил серебро в её руке?

— Она зажала его, когда упала, — Иванов вытер слезы. — Я не стал забирать. Это её. Пусть будет с ней.

Воронов смотрел на него — на его слезы, на его дрожащие руки, на его глаза, полные боли. И чувствовал жалость. Не к убийце — к человеку, который не нашел другого выхода.

— Ты знал, что она ждала тебя? — спросил он.

— Знал, — Иванов кивнул. — Она говорила: «Я знаю, что ты придешь. Я готова». Я думал, она шутит.

— Не шутила, — сказал Воронов. — Она знала, что ты убьешь её. И не убежала. Не спряталась. Она хотела этого.

— Почему? — Иванов поднял глаза.

— Потому что она любила тебя, — сказал Воронов. — По-своему. И знала, что не может остановиться. Что будет приходить снова и снова. Что сломает твою жизнь. И выбрала смерть.

Иванов заплакал. Громко, навзрыд, как ребенок. Воронов не останавливал его. Он сидел и слушал, и чувствовал, как что-то сжимается в груди.

— Прости, — прошептал Иванов. — Прости меня, мама.

Воронов встал, вышел из комнаты. Прислонился к стене, закрыл глаза.

— Что с ним? — спросил подошедший городской.

— Всё, — сказал Воронов. — Он признался. Уведите.

Суд был коротким. Иванов не отпирался, не нанимал адвоката. Рассказал всё, как было. Судьи выслушали, посоветовались. Приговор — десять лет каторги.

Воронов сидел в зале, смотрел на Иванова. Тот стоял у скамьи подсудимых, бледный, осунувшийся, но спокойный. Он знал, что его ждет. И не боялся.

— Вы можете сказать последнее слово? — спросил судья.

— Я убил, — сказал Иванов. — Я виноват. Но я не хотел. Я люблю её. И буду помнить всегда.

Его увели. Воронов вышел из зала, закурил. Небо было серым, низким, обещало дождь.

— Иван Петрович, — окликнул его Масленников — тогда еще молодой городской, который только начал служить. — Вы нашли убийцу. Поздравляю.

— Не с чем, — сказал Воронов. — Я не нашел убийцу. Я нашел человека, который убил от отчаяния.

— Какая разница? — удивился Масленников.

— Разница есть, — Воронов покачал головой. — Но вы поймете это позже.

Он бросил окурок, пошел в участок. Писать рапорт.

Через много лет, когда Воронов уже стал надворным советником, кавалером орденов и лучшим сыщиком Петербурга, он иногда вспоминал это дело. Первое дело, которое он раскрыл сам. Без помощников, без советчиков, без «вальте-

ра».

Он вспоминал старуху Марфу, которая знала, что умрет, и не убежала. Ивана, который убил мать из любви и ненависти. И серебро, которое осталось в её руке — символ их общей трагедии.

Он вспоминал и думал: сколько еще таких Ивановых и Марф ходит по земле? Сколько еще семейных драм заканчивается кровью? Сколько еще преступлений совершается не из злобы, а из отчаяния?

— Иван, — Лиза заглянула в кабинет. — Ты чего задумался?

— Вспоминаю, — он улыбнулся. — Первое дело.

— Расскажи, — она села рядом.

Он рассказал. О старухе, об Иване, о серебре. О том, как он нашел след на земляном полу, как прочитал письмо, как отправил телеграмму в Москву.

— Ты был молодец, — сказала Лиза. — Нашел убийцу, хотя никто не верил.

— Не молодец, — он покачал головой. — Просто делал свою работу.

— И жалеешь?

— О чем?

— О том, что не мог ему помочь. Ивану. Не мог остановить его раньше.

— Мог бы, — Воронов вздохнул. — Если бы знал. Если бы был рядом. Но я не знал. И не был.

— Теперь ты знаешь больше, — она взяла его за руку. — И можешь помогать.

— Могу, — он сжал её пальцы. — Пытаюсь.

Они замолчали. За окном падал снег, и Петербург — огромный, холодный, опасный — жил своей жизнью. А где-то в Петропавловской крепости отбывал срок Иван Иванов — человек, который убил мать, чтобы спасти себя. И который каждый день молился о прощении.

— Вальтер не подвел, — прошептал Воронов.

— Что? — не поняла Лиза.

— Так, — он улыбнулся. — Старая привычка.

Он обнял её, поцеловал. И вспомнил, как тогда, в 1865 году, у него еще не было «вальтера». Был только казенный револьвер, который он ненавидел. И было желание найти правду. И он нашел.

С тех пор прошло много лет. Много дел. Много убийц. Много жертв. Но то, первое дело, он помнил лучше всех. Потому что оно научило его главному: преступник — не зверь. Он — человек. Со своей болью, со своей историей, со своей правдой. И чтобы его поймать, нужно понять его. А чтобы понять — нужно слушать. Смотреть. И верить.

— Вальтер не подводит, — повторил он уже тише, почти неслышно.

Но это была уже не про оружие. Это было про правду. Которая не подводит никогда.

Второе воспоминание сыщика.

Три дела, которые сделали его легендой.

Ночь перед бурей.

Сентябрь 1881 года. Петербург. Гороховая улица.

Воронов не спал. Он сидел в своем кабинете, перед ним на столе лежали старые папки — пожелтевшие, с выцветшими чернилами, с запахом пыли и времени. Он перебирал их уже третий час, но не мог остановиться. Слишком много воспоминаний нахлынуло.

За окном шумел ветер, гнал по мостовой первые желтые листья. Где-то вдалеке слышался звон колоколов — к вечерней службе. Амалия Карловна уже легла спать, Лиза возилась в мастерской с новым заказом. В доме было тихо, только часы тикали на стене, отсчитывая минуты.

Воронов взял верхнюю папку — самую старую, с надписью «Дело № 47/1867. Банда "Червонных валетов"». Открыл, пробежал глазами первые строки. И воспоминания нахлынули — яркие, живые, почти болезненные.

Он закрыл глаза, откинулся на спинку кресла. И перенесся на двадцать лет назад.

Начало. 1867 год.

Это было лето 1867 года. Воронову исполнилось двадцать пять. Он уже получил первый чин — коллежского секретаря, — но по-прежнему служил в Казанской части, на самой грязной и опасной работе. Его повысили до старшего помощника пристава, дали в подчинение двух городских и обещали «рассмотреть вопрос о переводе в сыскную полицию».

В тот год Петербург лихорадило. После покушения Каракозова на Александра II в 1866 году полиция закрутила гайки, но преступность не убывала — наоборот, стала более организованной. Появились банды, которые грабили не случайных прохожих, а купцов, банкиров, ювелиров. Они действовали дерзко, нагло, с выдумкой.

Одной из таких банд была группа, которую в народе прозвали «Червонные валеты». Название пошло от игральных карт — валет червонной масти считался символом удачи и обмана. Банда специализировалась на карточных шулерах и подпольных игорных домах, но со временем перешла к более серьезным преступлениям — ограблениям, убийствам, поджогам.

Их главарем был человек по кличке «Барон». Никто не знал его настоящего имени — он представлялся то отставным гусаром, то польским графом, то английским лордом. Он был умен, хитер, жесток. И неуловим.

Дело о «Червонных валетах» попало к Воронову случайно — предыдущий следователь, который вел его, слег с нервным расстройством. Говорили, что «Барон» прислал ему письмо с угрозами, после чего тот не выходил на службу три недели, а потом уволился.

— Воронов, — сказал пристав, вызывая его в кабинет. — Бери дело. Оно твое.

— Почему я? — спросил Воронов.

— Потому что больше некому, — пристав развел руками.

— Остальные боятся. А ты — нет.

— Боюсь, — сказал Воронов. — Но делаю.

— Вот и делай.

Воронов взял папку, вышел. В коридоре он открыл ее, пробежал глазами. Дело было объемным — показания свидетелей, протоколы осмотров, рапорты городских. Но ни одной зацепки. «Барон» был призраком.

— Ты знаешь, кто тебя ждет? — спросил его старый следователь, который курил у окна. — Барон — это смерть. Он убил троих следователей до тебя.

— Я не боюсь смерти, — сказал Воронов.

— Зря, — старик покачал головой. — Тот, кто не боится смерти, — либо дурак, либо мертвец.

Воронов не ответил. Он ушел в свой кабинет, заперся и начал читать.

Воронов просидел над бумагами три дня. Он выписал все известные преступления банды, проанализировал почерк, место, время. И нашел закономерность.

Банда действовала по одной схеме: сначала шулеры заманивали жертву в игорный дом, обыгрывали до нитки, потом предлагали сыграть на крупную сумму. Когда жертва проигрывала всё, ее выводили на улицу и грабили. Иногда — убивали.

Но были и другие преступления — ограбления банков, ювелирных магазинов, нападения на кареты с деньгами. Там схема была иной: налетчики действовали быстро, жестко, без

свидетелей.

— Две банды? — спросил он вслух. — Или одна, но с разными исполнителями?

Он снова перечитал показания свидетелей. Один из них — купец, которого обчистили в игорном доме, — упомянул, что шулер, который его обыгрывал, был левшой. Другой свидетель — банковский кассир, выживший после ограбления, — сказал, что налетчик, который стрелял в него, держал револьвер в левой руке.

Левши. В обоих случаях — левши.

Воронов встал, подошел к карте. Отметил места преступлений. Все они были расположены в радиусе двух верст от Сенной площади — самого криминального района Петербурга.

Значит, банда базируется где-то на Сенной. Или рядом.

Он надел шинель, взял револьвер — свой первый «вальтер», который он купил на сэкономленные деньги, — и вышел на улицу.

— Вальтер не подведет, — прошептал он, сунув оружие в карман.

Воронов решил действовать не как полицейский, а как частное лицо. Он сменил сюртук на поношенный пиджак, надел дешевую фуражку, подбрил усы. Сделал себя похожим на провинциального купчика, приехавшего в Петербург за счастьем.

Он начал ходить по игорным домам — мелким, грязным,

пропахшим табаком и дешевым вином. Играл по маленькой, проигрывал, делал вид, что пьян. Слушал. Присматривался.

На третью неделю ему повезло. В одном из трактиров на Сенной к нему подсел человек — прилично одетый, с холерными руками, с цепочкой от часов на жилете.

— Играете? — спросил он.

— Играю, — ответил Воронов. — Только не везет.

— Не везет — потому что играете с шулерами, — человек усмехнулся. — А вы приходите к нам. У нас игра честная.

— Где?

— Улица Садовая, дом 15. Спросите Феликса.

Человек встал и вышел. Воронов допил чай, расплатился и ушел.

На следующий день он был на Садовой, 15.

Дом был старым, с облупившейся штукатуркой. Внутри — большая комната, столы, карты, игроки. За стойкой стоял плотный мужчина с окладистой бородой — Феликс.

— Вы новенький? — спросил он.

— Да, — Воронов положил на стол горсть серебра. — Хочу сыграть.

— Играйте, — Феликс кивнул на стол.

Воронов сел. Играли в стос — простую, но азартную игру. Воронов делал вид, что не умеет, проигрывал, пил, хмелел. Но глаза его были трезвыми. Он смотрел. Запоминал.

К концу вечера он знал, кто шулера. Их было четверо — все играли левой рукой. И один из них — тот, который по-

дошел к нему в трактире, — был главным.

Воронов вышел на улицу, достал записную книжку. Записал приметы.

Через неделю Воронов узнал, что банда готовит новое ограбление. Ювелирный магазин на Невском — дорогой, с богатой витриной. План был прост: двое отвлекают охрану, трое грабят, один ждет на выходе с лошадьми.

Воронов предупредил пристава. Тот дал десять городовых. Они устроили засаду — в соседних домах, на крышах, в подворотнях.

В ночь ограбления Воронов был на месте. Он стоял в темноте, сжимая в руке «вальтер». Ждал.

В два часа ночи появились тени. Пятеро. В черных масках, с револьверами и ломami. Они быстро взломали дверь, вошли внутрь.

Воронов свистнул — условный знак. Городовые выбежали из укрытий.

— Стоять! Полиция!

Началась стрельба. Воронов выстрелил первым — в того, кто держал револьвер левой рукой. Тот упал, закричал. Остальные бросились врассыпную.

Воронов побежал за главным — тем, кто подошел к нему в трактире. Тот бежал быстро, ловко петляя между домами. Но Воронов не отставал.

— Стой! Стрелять буду!

Человек обернулся, выстрелил. Пуля просвистела у виска.

Воронов пригнулся, выстрелил в ответ — в ногу. Человек упал, застонал.

— Руки вверх! — крикнул Воронов, подбегая.

Человек поднял руки. Воронов наклонился, сорвал маску. Под ней оказалось бледное, испитое лицо. Глаза — пустые, злые.

— Вы арестованы, — сказал Воронов.

— Кем? — усмехнулся человек. — Мальчишкой, который не умеет стрелять?

— Я умею, — Воронов показал его ногу. — Видите?

Человек посмотрел на кровь, хлынувшую из раны. И замолчал.

Пленник оказался тем самым «Бароном». Его звали Петр Алексеевич Тучков — отставной поручик, разжалованный за карточные долги. Он организовал банду из бывших офицеров и солдат — тех, кто не нашел себя после войны.

На допросе Тучков молчал. Смотрел на Воронова пустыми глазами и улыбался.

— Вы не понимаете, — сказал он наконец. — Мы не грабители. Мы — Робин гуды. Мы грабили богатых, чтобы помогать бедным.

— Вы убили трех следователей, — сказал Воронов.

— Они мешали.

— Вы убили купца Смирнова, который не хотел отдавать деньги.

— Он был жадным.

— Вы убили старуху, которая продала вам дом?

— Она была свидетельницей.

Воронов смотрел на него и чувствовал, как в груди поднимается холодная ярость.

— Вы — убийца, — сказал он. — Не Робин гуд. Убийца.

— Я — барон, — усмехнулся Тучков. — И меня не судить вам, мальчишке.

— Меня зовут Иван Петрович Воронов, — сказал он. — И я тот, кто посадит вас в тюрьму.

Он встал и вышел.

Суд приговорил Тучкова к двадцати годам каторги. Его сообщников — к пятнадцати, десяти, пяти. Банда «Червонных валетов» перестала существовать.

Воронов получил благодарность от градоначальника и чин титулярного советника.

— Вальтер не подвел, — сказал он, убирая револьвер в сейф.

Прошло три года. Воронов уже служил в сыскной полиции — его перевели после дела о «Червонных валетах». Он получил отдельный кабинет, двух помощников и право вести самые сложные дела.

В том году Петербург потрясла новая напасть. На пристанях, в ночлежных домах, в подворотнях находили тела мужчин — задушенных, с веревкой на шее. Убийца действовал по одной схеме: подходил к жертве, завязывал разговор, потом внезапно набрасывал петлю и затягивал. Жертвы умира-

ли мгновенно — перелом шейных позвонков.

Полиция назвала его «Волжским душителем» — потому что первое тело нашли на пристани Волжского пароходства.

К тому моменту было уже восемь трупов. Восемь человек — матросы, грузчики, мелкие купцы. Все — с веревкой на шее, все — с одинаковым узлом.

— Воронов, — вызвал его пристав. — Дело твое. Найди его.

— Почему мое? — спросил Воронов.

— Потому что ты — лучший, — пристав усмехнулся. — И потому что остальные боятся.

— Чего?

— Душителя. Он убивает не ради денег. Не ради мести. Он убивает ради удовольствия.

Воронов взял папку, ушел в кабинет.

Он прочитал все протоколы. Осмотрел все места преступлений. Поговорил со свидетелями — их было мало, потому что душитель действовал в безлюдных местах.

Но одна деталь привлекла его внимание. Узел. Тот самый, которым была затянута веревка. Он был не простым — морским, с двумя петлями. Такие узлы вяжут матросы, рыбаки, охотники. Те, кто живет у воды.

Воронов пошел на пристани. Говорил с матросами, с капитанами, с грузчиками. Показывал узел.

— Такой? — спросил он.

— Такой, — кивнул старый матрос. — Это рыбацкий

узел. Его вяжут, когда нужно быстро затянуть петлю.

— Кто умеет его вязать?

— Любой рыбак. Или тот, кто работал на реке.

Воронов записал. Рыбак. Или бывший матрос.

Он проверил списки уволенных с Волжского пароходства. За последние два года уволились тридцать человек. Из них десять — по болезни, десять — по собственному желанию, десять — за пьянство и драки.

Воронов начал проверять каждого. Опрашивал соседей, родственников, бывших коллег. И нашел.

Евсей Иванович Козлов — отставной матрос, уволен за жестокость. Жил один, ни с кем не общался. По ночам уходил из дома и возвращался под утро. Соседи говорили, что он странный — злой, молчаливый, с пустыми глазами.

Воронов решил следить за ним.

Три ночи Воронов сидел в засаде — в подворотне дома, где жил Козлов. Три ночи он мерз, пил холодный чай из термоса, курил папиросу за папиросой. Три ночи Козлов никуда не выходил.

На четвертую ночь Воронов уже хотел уходить, когда дверь скрипнула. Из подъезда вышел человек — высокий, худой, сгорбленный. В черном пальто, в шляпе, надвинутой на глаза.

Воронов пошел за ним.

Козлов шел быстро, не оглядываясь. Свернул на Лиговку, потом на Разъезжую, потом на набережную. Остановился у

пустынного склада. Достал веревку.

— Стой! — крикнул Воронов, выходя из темноты. — Полиция!

Козлов обернулся. В руке его блеснул нож. Он бросился на Воронова, но тот выстрелил — в воздух.

— Стой! Стрелять буду!

Козлов остановился. Опустил нож. Воронов подошел, заломил руки.

— Евсей Козлов, вы арестованы.

— За что? — спросил тот.

— За убийства.

— Какие убийства?

— Восемь трупов. Все — с вашим узлом.

Козлов усмехнулся. И вдруг — заплакал.

— Я не хотел, — сказал он. — Они сами... они сами просили.

— Кто просил?

— Они. Те, кого я убил. Они говорили: «Убей меня, мне все равно не жить». Я помогал.

Воронов смотрел на него — на его слезы, на его дрожащие руки — и чувствовал, что перед ним не убийца, а больной человек. Сумасшедший, который слышал голоса.

— Вы больны, — сказал Воронов. — Вам нужен врач.

— Врач? — Козлов засмеялся. — Врачи не помогают. Только смерть.

Его увели. Суд признал Козлова невменяемым и отправил

на принудительное лечение в психиатрическую больницу.

Воронов сдал дело в архив.

— Вальтер не подвел, — сказал он, доставая револьвер из кобуры. — Но помог не он. А узел.

Он погладил холодную сталь и убрал оружие обратно.

Еще через три года Воронов был уже известным сыщиком. О нем писали в газетах, его имя знали в преступном мире. Он получил чин коллежского асессора и свой кабинет в сыскной части.

В том году случилось страшное — загорелась Екатеринбургская мануфактура, одна из крупнейших текстильных фабрик Петербурга. Огонь бушевал три дня. Сгорели цеха, склады, контора. Погибли десять человек — рабочие, которые не успели выбежать.

Полиция сначала решила, что это несчастный случай — замкнуло проводку, загорелось масло. Но Воронов усомнился.

— Слишком быстро, — сказал он, осматривая пепелище. — Слишком равномерно. Если бы загорелось от проводки, очаг был бы один. А здесь — три.

— Думаете, поджог? — спросил Масленников, который тогда уже служил под началом Воронова.

— Думаю, — кивнул Воронов. — И знаю, кто.

Он нашел в пепле остатки какой-то бумаги — обгоревшей, но не до конца. Отнес Ветлицкому.

— Что это? — спросил он.

— Страховая бумага, — ответил Ветлицкий после осмотра. — Полис. На фабрику.

— Значит, поджог с целью страховки, — сказал Воронов. — Кто мог это сделать?

— Владелец. Или его доверенное лицо.

Воронов проверил владельца фабрики — купца первой гильдии Петра Ильича Соболева. Тот был богат, известен, уважаем. Но в последнее время его дела шли плохо — фабрика приносила убытки, конкуренты теснили.

— Зачем ему поджигать собственную фабрику? — спросил Масленников.

— Чтобы получить страховку, — ответил Воронов. — И расплатиться с долгами.

Он взял у Соболева документы, проверил счета. Фабрика была застрахована на полмиллиона рублей — огромную сумму. Если бы Соболев получил эти деньги, он не только расплатился бы с долгами, но и остался в плюсе.

Воронов пошел к Соболеву.

Соболев встретил его в своем особняке на Васильевском острове — богато, с достоинством, но без тепла.

— Иван Петрович, — сказал он, приглашая в кабинет. — Чем обязан?

— Поджогом вашей фабрики, — сказал Воронов, садясь в кресло.

— Поджогом? — Соболев поднял брови. — Вы считаете, что я поджег собственную фабрику?

— Я считаю, что вы наняли человека, который это сделал.

— Доказательства?

— Будут, — Воронов достал обгоревший полис. — Это ваша подпись?

Соболев побледнел.

— Моя, — сказал он. — Но это ничего не доказывает.

— Доказывает, — Воронов покачал головой. — У нас есть свидетель. Конторщик, который подложил бумагу. Он признался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.